

Второй этаж, как и весь особняк, был выдержан в европейском стиле. Хрустальные бра на стенах сияли ослепительно ярко, дробя и преломляя свет гранеными подвесками.

Огромное пространство верхнего яруса вмещало всего три жилые комнаты — деталь весьма странная и интригующая. Все три двери теснились по правую сторону коридора. Слева же, в самом тупике, угадывался силуэт еще одной комнаты, но туда было не пробиться: вместо дверного проема зияла глухая цементная стена, облицованная красным узорчатым кирпичом, без намека на окна или остекление.

— Тот кабинет... может, это туда нам запретили входить? — со страхом в голосе спросила Юй Чжо. — Господи, мамочки... Я домой хочу!

— Пока держитесь от той двери подольше. Сейчас главное — не паниковать, — предупредил Янь Юй. Он замер на пороге одной из комнат, собираясь войти, но на секунду обернулся к остальным.

Син Шэнли бесшумно скользнул за капитаном. Юй Чжо поначалу дернулась было следом, но наткнулась на мимолетный взгляд юноши и мгновенно струсила, попятившись назад.

«Мамочки мои, ну и взгляд... Точно у мертвеца в морге. Аж мороз по коже!»

— Слушай, Дао Юй, давай я с тобой устроиться попробую? — Юй Чжо перевела взгляд на оставшихся мужчин. Из всех них Дао Юй казался самым надежным и уравновешенным партнером. Одной соваться в темную комнату было равносильно самоубийству — девушка уже окончательно уяснила, насколько это место смертоносно.

— Полагаю, уровень безопасности рядом с той парочкой был бы на порядок выше, — прагматично заметил Дао Юй, толкая дверь в свою комнату. — С чего вдруг такой выбор?

Он кивнул на соседнюю запертую дверь.

— Хорош умничать! Думаешь, я сама туда не хотела? — взорвалась Юй Чжо, теряя остатки самообладания. — Сказала же — ссу я! Давай заходи быстрее, спать хочу — дышаю.

Она разозлилась не на шутку. Тоже мне, благородный выискался! Будто делить с ней комнату — это какое-то великое одолжение. Она, между прочим, симпатичная девушка, и то не жалуется!

— Ну что, пошли? Похоже, остались только мы, — вздохнул Линь Кан, глядя на закрывшиеся двери товарищей.

— Угу, — безучастно отозвался Сюй Вэнь. Ему было глубоко плевать, где и с кем проводить эту ночь.

Двери захлопнулись. В густых тенях, недостижимый для чужих глаз, соткался силуэт Хозяина. Облаченный в глухую черную мантию, он безмолвно созерцал три запертые комнаты. Его губы растянулись в уродливой, зловещей усмешке. От этого зрелища веяло липким, первобытным ужасом — будто глубокой ночью кто-то стоит у тебя за спиной, тихо посмеиваясь, пока ты парализован страхом и не можешь обернуться.

Спустя мгновение темная фигура растворилась в полумраке.

Опустевший коридор мгновенно лишился последних крупиц тепла. Воздух сделался мертвенно-холодным. И вдруг на хрустальных подвесках люстры проступили бесчисленные младенческие лица. На крошечных ликах застыла пугающая гамма чувств: лютая злоба, глухая обида и бесконечная, разрывающая душу скорбь. Объединяло их одно — все они были заперты здесь навечно, лишенные возможности вырваться на волю.

Множество призрачных тел заслонило свет. Коридор погрузился в глубокий сумрак, в котором фосфоресцирующим, неестественным блеском вспыхнули зрачки мертвых младенцев.

— Почему ты до сих пор здесь? — спросил Син Шэнли у Янь Юя, который неторопливо раскладывал свои вещи. — Ты ведь торчишь в этом месте целую вечность. Все условия для выхода ты уже давно выполнил.

— А сам-то? — с мягкой усмешкой парировал капитан Янь.

— Не равняй. У меня здесь дела, — отрезал А-Ли.

— Какое совпадение. У меня тоже, — отозвался собеседник.

Шэнли промолчал. Рассудив, что продолжать этот спор бесполезно, он растянулся на кровати, закинул ногу на ногу и принялся созерцать тусклый желтоватый нимб вокруг потолочного светильника.

Закончив возиться со своим багажом, Янь Юй подошел к Шэнли и протянул ему плотное одеяло.

— Держи. Каким был лентяем, таким и остался, — мягко проговорил он, и тень улыбки скользнула по его лицу — то ли от забавных воспоминаний, то ли от созерцания сонной позы юноши.

— Спасибо, — безучастно поблагодарил А-Ли, забирая одеяло.

Бросив взгляд на циферблат Часов-фишек, он отметил: ровно десять. До полуночи оставалось всего два часа.

— И все же, зачем ты здесь остаешься? В этой чертовой игре... умереть — раз плюнуть, — негромко спросил Шэнли, давая собеседнику последний шанс на откровенность. Если капитан опять отшутится, парень умоет руки. Спасать чужую жизнь насильно он не нанимался.

Янь Юй внезапно замолчал. В комнате повисла тяжелая, осязаемая тишина. Шэнли терпеливо ждал, не сводя с него глаз, пока мужчина наконец глухо не произнес:

— Я ищу человека. Не помню ни его лица, ни даже имени.

— Он так важен для тебя?

— Да.

Теперь умолк уже сам Шэнли. Странно, но ему тоже нужно было кое-что отыскать в этих зловещих коридорах.

— Мне тоже... необходимо найти одну вещь. Некий символ, — тихо обронил парень, после чего с головой укатался в одеяло, давая понять, что разговор окончен.

Янь Юй лишь понимающе улыбнулся этой детской манере прятаться от мира. Не желая тревожить юношу расспросами, он вернулся к себе и лег.

Комнату обставили скромно, но со вкусом: две аккуратные кровати разделял раскинувшийся на полу пушистый ковер со сложным восточным узором. Под потолком тускло поблескивал неочищенный хрусталь люстры, а в левом углу примостился небольшой столик на двоих. На его полированной столешнице, тускло отсвечивая костью, лежал Младенческий череп-оберег.

Янь Юй бесшумно поднялся, подошел к столику и осторожно взял Младенческий череп-оберег в руки. Повертев его так и эдак, он с легкой брезгливостью понял, что это крошечный череп новорожденного младенца. Мужчина уже занес руку, намереваясь вышвырнуть жуткую находку в окно, как вдруг его взгляд зацепился за едва заметную гравировку на стеклянном плафоне бра. Иероглиф был смазанным, полустертым, но Янь Юй сумел его разобрать: «Оберег».

На его губах заиграла понимающая улыбка. Подняв череп повыше, он поймал им луч света, бивший от лампы прямо ему в лицо. На стене соткался размытый силуэт — точная теневая проекция зажатого в пальцах Младенческого черепа-оберега.

Удовлетворенно хмыкнув, Янь Юй аккуратно вернул вещицу на место, скользнул под одеяло и щелкнул выключателем. Комната мгновенно утонула в глухой, вязкой темноте.

Соседям повезло куда меньше — соображали они не так шустро.

— Эй, глянь-ка. Что это еще за хреновина костяная? Может, выкинем ее от греха подальше? — Юй Чжо брезгливо ткнула пальцем в сторону подоконника, где покоился точно такой же Младенческий череп-оберег.

— Любопытный экземпляр... Дай-ка посмотрю, — Дао Юй методично оглядел комнату, пытаясь сопоставить факты. Задержав взгляд на плафоне люстры, он выдал свою обычную сухую калькуляцию: — С вероятностью в восемьдесят процентов этот предмет несет прямую угрозу, и от него следует избавиться. Однако существует тридцатипроцентная погрешность, указывающая на его полезность.

— Слушай, ты можешь не канифолировать мне мозги своими цифрами? — отмахнулась Юй Чжо, которой быстро наскучило слушать рассуждения этого ходячего калькулятора. — Просто скажи: выбрасываем или нет?

— Выбрасываем, — после секундной паузы кивнул тот.

— Вот и ладненько! — Юй Чжо с воодушевлением схватила Младенческий череп-оберег и изо всех сил швырнула его в распахнутое окно. Младенческий череп-оберег прочертил дугу в ночном воздухе, бесследно растворившись в бездне сонного неба, словно сорвавшаяся звезда.

Дао Юй совершил критическую ошибку — он поленился детально изучить надпись на светильнике. Впрочем, у него оставался в запасе еще один козырь для выживания: системные подсказки.

Что касается Линь Кана и его напарника, те тоже усмотрели в Младенческом черепе-обереге дурное предзнаменование и без лишних раздумий избавились от него, отправив вслед за первым.

В полночь особняк погрузился в абсолютный мрак. Свет погас повсюду, оставив людей наедине с первобытной темнотой, проникающей в самую душу. В этом беспросветном хаосе чудилось, будто в углах комнат роятся бесчисленные неприкаянные души. Они стонали, захлебывались беззвучным плачем и требовали справедливости.

Трое несчастных так и не сомкнули глаз, содрогаясь от ужаса при каждом шорохе и безуспешно пытаясь унять колотившую их дрожь.

Холодный пот так и градом катился по лицу Юй Чжо. В ушах набатом гремели зловещие предупреждения управляющего. Сжавшись в комок под тяжелым одеялом, несчастная лихорадочно шептала про себя мантру о великих социалистических ценностях, уповая на светлые идеалы прогресса и равенства как на лучший оберег от нечисти.

Дао Юй же, напротив, словно перешел в режим глубокого энергосбережения. Он лежал неподвижно, не издавая ни звука — ни сопения, ни ровного дыхания спящего человека. В звенящей тишине Юй Чжо слышала лишь оглушительный, панический стук собственного

сердца.

И тут снаружи раздался плач. Сначала тихий, а затем переросший в истошный младенческий визг. Голова Юй Чжо загудела, точно чугунный котел. Воображение услужливо нарисовало жуткую картину: огромный кипящий чан, в который заживо бросают новорожденных детей. Этот нечеловеческий ор вонзался в барабанные перепонки иглами. Что это было? Мольбы о пощаде? Предсмертные стоны? Проклятия?

Разобрать было невозможно. Единственное, чего ей хотелось в эту секунду — закричать самой, заглушая этот кошмар.

Девушка судорожно вздрогнула. Воздух вокруг стремительно остывал, превращаясь в лед. Она физически почувствовала, как чье-то ледящее дыхание коснулось ее щеки. От этого замогильного холода рассудок мутился, а сердце пропускало удары.

Вспышкой в сознании пронеслась спасительная мысль:

«Молчи! Ни звука!»

Сжав зубы, она принялась с удвоенной силой твердить про себя лозунги о партийной дисциплине и светлом будущем. Невероятно, но эта абсурдная психологическая самооборона сработала — Юй Чжо удалось абстрагироваться от творящегося вокруг кошмара.

Она так и не узнала, какая тварь зависла прямо над ней. Кожа монстра, покрытая трупными сине-зелеными пятнами и трещинами, казалась ледяной коркой. Вместо глазных яблок в глазницах тускло белели два крошечных младенческих черепа. Длинные, спутанные волосы свисали клочьями, а все, что находилось ниже шеи, представляло собой клубящееся облако черного едкого тумана. Призрак висел у самого лица Юй Чжо, методично выдыхая на нее морозную стужу.

Не дождавшись от жертвы воплей ужаса, тварь недовольно скривилась и перетекла к кровати Дао Юя. Она принялась изо всех сил дуть ему в ухо ледяным сквозняком, но все ее усилия пропали даром. Парень лежал бревном, не выдав себя ни единым вздохом, ни малейшим движением бровей.

«Да ладно? Он что, издевается, сука?» — мысленно выругался призрак.

Эта уродливая, недоделанная тварь в образе девицы раздраженно топнула бесплотной ногой и, оскорбленная в лучших чувствах, просочилась сквозь закрытую дверь наружу. Воздух в спальне тут же начал теплеть.

Оказавшись в коридоре, привидение на секунду исказило и без того уродливую физиономию, словно настраивая маску смерти, пока на лице снова не застыла маска абсолютного,

безразличного ужаса.

Оно повернулось к двери Сюй Вэня и сделало шаг вперед, но внезапно замерло. Сквозь толстую древесину на него уставился невидимый, полный царственного величия взгляд. Нахлынувшая из-за двери ментальная волна давления заставила призрачную девку задрожать всем телом. Тварь мгновенно сообразила, с какой силой ей придется столкнуться, решилась она войти внутрь.

Рассудив, что жизнь дороже, она трусливо попятилась и бочком-бочком устремила к комнате, где спал Син Шэнли.

Просочившись сквозь замочную скважину, гостя ночи нос к носу столкнулась с Янь Юем. Тот лежал с открытыми глазами и широко, дружелюбно улыбался.

«Серьезно?.. Меня вообще за монстра не считают?»

Обиженная до глубины души, она яростно ринулась прямо к его лицу.

Монстр разинул пасть, демонстрируя частокол длинных игловидных зубов, измазанных гниющим мясом. Вид был омерзительный до крайности, но Янь Юй лишь вежливо посмотрел призраку прямо в пустые глазницы и беззвучно одними губами произнес:

— Спокойной ночи.

Тварь зависла на секунду.

«Понятно, этого придурка не пронять».

Она круто развернулась к постели Син Шэнли, мысленно настраиваясь на победу. Без жертвы уходить нельзя — правила требовали хотя бы одной смерти за ночь.

Но и тут ее ждало разочарование. Син Шэнли тоже бодрствовал, безразлично уставившись в пространство перед собой. Появление призрака лишь слегка вывело его из состояния полудремы.

Шэнли лениво перевел взгляд на чудовище. Тварь тужилась изо всех сил, пытаясь изобразить нечто кошмарное, но парень лишь поморщился — зрелище было слишком уж уродливым и неэстетичным. Не говоря ни слова, он неторопливо вытащил из-под подушки заранее заготовленный листок бумаги.

На листке размашистым почерком было написано:

«Извините, я немой. Отъебись».

Призрак застыл на месте. Такого откровенного неуважения к своей персоне он еще не встречал. Тварь едва не лопнула от злости, готовая разорвать наглого мальчишку на куски прямо сейчас, но жесткие системные рамки сковывали движения. Плюнув на все, она убралась восвояси, оставив на полу несколько клочков седых волос, выпавших от пережитого стресса.

Шэнли проводил гостью взглядом, поднялся и аккуратно подобрал волоски с ковра.

«Похоже, еще одна зацепка. Господи, какая морока...»

Вскоре рассветные лучи ворвались в комнату, заливая ее ослепительным утренним светом. Солнце коснулось лица Шэнли; его смоляные волосы в теплых лучах отливали мягким каштановым золотом, отчего весь его облик казался почти неземным, святым. Янь Юй замер, замороженно глядя на него. В его памяти на мгновение всплыл смутный, полузабытый образ дорогого человека... но видение тут же растаяло без следа, оставив лишь легкую щемящую грусть.

— Помогите! Твою мать, тут кровь! Из соседней комнаты хлещет кровь! Эй, живые есть?! Подъем, твари! — истошный вопль Юй Чжо разорвал утреннюю тишину коридора. Она в ужасе пятилась от запертой двери, из-под которой густым, липким потоком выползала багровая жижа, мерзко поблескивая в свете ламп.

Шэнли со вздохом поднялся с постели. Вместе с Янь Юем они вышли в коридор и застали у порога брызжущей кровью спальни бледных, изможденных Дао Юя и Юй Чжо.

Опередив остальных, Шэнли подошел к двери, покрытой зловещими багровыми разводами, и толкнул ее. Перед глазами выживших предстала ужасающая картина.

Сюй Вэнь сидел на своей кровати, забившись в угол и крупно дрожа. Он ошалело пялился на остывающее тело соседа. Его рука, протянутая вперед, тряслась, губы судорожно дергались — казалось, разум бедняги окончательно погрузился в пучину безумия.

На соседней постели лежал Линь Кан. Точнее, то, что от него осталось. Кровь хлестала из разорванного живота парня, полностью пропитав матрас и залив пол вокруг кровати. Зрелище было омерзительным: на паркете скользкими петлями лежали вывалившиеся внутренности и обрывки кишок.

Шэнли бесстрастно созерцал кровавую бойню. Стоявший за его плечом Янь Юй тоже сохранял ледяное спокойствие. Юй Чжо зажала рот руками, сдерживая рвотный позыв, Сюй Вэнь продолжал беззвучно рыдать, а Дао Юй застыл соляным столпом. Время словно замедлило свой ход, запечатав выживших в этой жуткой, неподвижной мизансцене.

Мертвую тишину нарушили шаги Хозяина. Появившись на пороге, он с наигранным, преувеличенным изумлением оглядел комнату и произнес фразу, заставившую сердца присутствующих сжаться от дурного предчувствия.

<http://bllate.org/book/19739/2007127>